

кивают и усиливают воздействие оценочных суждений на адресата. В то же время, используя данные языковые средства, оратор оценивает ситуацию, оставляет впечатление беспристрастности суждений, фактологичности, индифферентности к существующим убеждениям, что играет важную роль в политической речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. М., 1985. С. 12.
2. Ноуэлл-Смит П. Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. М., 1985. С. 155-181.
3. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 90.
4. Рогозина И. В. Прагматическая ориентация ораторской речи (на материале использования цитаты в буржуазной риторике) // Прагматика и семантика синт. ед-ц. Калинин: КГУ, 1984. С. 69.
5. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1998. С. 92.

*Светлана Олеговна ДРАЧЕВА —
аспирантка кафедры общего языкознания*

УДК 821.161.1.09

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается специфика варьирования темпоральной лексики и фразеологии в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»; автор пытается доказать, что в основе сюжетно-композиционной структуры текста находится временной цикл.

The article deals with the problem of lexical and phraseological variety expressing category of TIME in M. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». The author makes an attempt to prove a principal role of a TIME cycle in the novel plot and composition.

За последние тридцать лет изучение времени и временных отношений стало одним из приоритетных направлений в гуманитарных науках, поскольку «сегодня время и временность все более сдвигаются в средоточие человеческого бытия, пронизывают все решающие события жизни людей, приобретают решающее экзистенциальное значение в человеческом сознании и бытии» [1. С. 3]. Современное широкое понимание времени, ставшее возможным благодаря теории относительности А. Эйнштейна и произошедшим в связи с ней радикальным изменениям в области физики и философии, позволило рассматривать его не только как объект, но и как инструмент — метод — исследования, сделав его категорией, актуальной для различных сфер знания. В филологии наибольшее распространение получила «настоятельно ощущаемая в последнее время потребность более глубокого изучения тех постоянных отношений и функций, которые обеспечивают специфику художественной... действительности. В ре-

* Исследование осуществляется при поддержке гранта для молодых ученых и аспирантов Тюменского государственного университета.

зультате такого изучения выявляется исключительная роль пространственных и временных отношений в конструировании и восприятии литературной действительности» [2. С. 8]. Будучи особой категорией литературного текста, время организует композицию произведения и определяет его «художественное единство... в отношении к реальной действительности» [3. С. 176], обеспечивая тем самым целостное восприятие художественного мира.

В центре нашего внимания находится проблема темпоральной организации романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в частности — роли лексико-фразеологических средств в формировании образа художественного времени. Выбор данного произведения не представляется случайным, поскольку многослойность романного времени «Мастера и Маргариты» открывает широкие возможности для исследования: несмотря на то, что в литературоведении имеется весьма серьезный научный задел (М. Чудакова, И. Бэлза, В. Лакшин, Б. Соколов, П. Абрагам, А. Минаков, В. Петров, Е. Яблоков, Г. Ребель, А. Барков, И. Галинская, В. Химич, Г. Круговой, А. Белый, Э. Проффер и др.), вопрос о временной организации текста произведения по-прежнему остается открытым; кроме того, отмечается малая изученность категории темпоральности «Мастера и Маргариты» лингвистикой при том, что роль лингвистического аспекта в исследовании специфики художественного времени представляется достаточно важной.

Особая роль темпоральной лексики и фразеологии в формировании образа времени романа «Мастер и Маргарита» прослеживается при анализе сюжетно-композиционной организации текста, трехчастная структура которого обуславливает три ветви развития романного сюжета, соответствующих в свою очередь трем хронотопам, или планам повествования: *реалистическому* (Москва, 1920-1930-е гг.; главы 1, 3-15, 17-21, 27-31, эпилог), *мистическому* (сверхъестественный мир «князя тьмы»; главы 22 — 24, 32) и *библейскому* (Ершалаим, 1 в. н. э.; главы 2, 16, 25, 26). Каждый из трех планов репрезентует свой собственный образ времени и, конечно же, пространства, который, соединяясь с двумя другими, участвует в формировании единого — целостного — пространственно-временного континуума произведения, что достигается в тексте за счет эффекта «эллиптичности» — объемности — времени, возникающего благодаря соединению в романе в одной темпоральной данности — *полночь с пятницы на субботу* — всех трех повествовательных планов. В связи с этим перед автором стояла проблема их органичного соединения, что на первый взгляд представляется невозможным, поскольку у каждого плана свое временное расстояние: «В ершалаимском мире основное действие разворачивается... в течение одного дня <...> Время в потустороннем мире, где оно фактически остановилось, слилось в едином миге <...> В московском мире... действие охватывает четыре дня» [4. С. 24]. Тем не менее возникающая в связи с этим дискретность романного времени преодолевается в тексте за счет разности во времятечении каждого из трех планов, которая в свою очередь задается характером и степенью напряженности художественного времени, и здесь не последнюю роль играет комплекс темпоральных лексико-фразеологических средств, четко определенный для того или иного плана.

Специфика реалистического плана повествования, заключающаяся в том, что он представляет земной — материальный и видимый — уровень Бытия, обуславливает такие особенности его времени, как антропомерность, динамичность и компактность. Развивающееся от причины к следствию (т. е. имеющее прямую направленность — от нуля до бесконечности по положительной полуоси) экзистенциальное время московской действительности задается рамками человеческой жизни (фразеологизмы *в расцвете лет, в жизни, всю жизнь, по гроб жизни*

ни и др.) и осмысливается сквозь призму человеческого сознания. В связи с этим на реалистическом плане повествования, с одной стороны, время объективной действительности, точно измеренное и сосчитанное, четко противопоставляется времени перцептуальному, чувственно воспринимаемому и переживаемому (например, оппозиция *минута — в мгновенье ока*: «Через несколько минут грузовик уносил Рюхина в Москву» [5. С. 72] — «Иван увидел серый берет в гуще в начале Большой Никитской... В мгновенье ока Иван и сам оказался там» [5; 51].), а с другой — наделяется субъективными свойствами, вследствие чего реальное время оказывается способным выступать в качестве объекта или инструмента оценки, как правило — негативной: «отчаянные дни» [5. С. 211], «страшный майский вечер» [5. С. 5], «судачки третьедневные» [5. С. 57], «неудержимо наваливался день» [5. С. 74], «безрадостные осенние дни» [5. С. 141].

Ограниченное быстротечностью человеческой жизни экзистенциальное время получает высокую степень динамичности, которая заключается в высокой скорости смены одного действия другим в рамках события, что обеспечивается в тексте высокой концентрацией слов, именных групп и фразеологизмов со значением «тут же, мгновенно, немедленно»: *мгновенно, мимолетный, мигом, тотчас (же), сейчас (же), тут (же), моментально, в мгновение ока, вмиг, в то же мгновение, мигом, в тот же момент, в ту же минуту, в тот же миг, в ту же секунду, немедленно, вот-вот* и т. д. (пример — сцена гибели Берлиоза: «Тотчас и подлетел этот трамвай, поворачивающий по новопроложенной линии с Ермолаевского на Бронную. <...> Осторожный Берлиоз... сделал шаг назад. И тотчас рука его скользнула... и Берлиоза выбросило на рельсы. <...> Он успел повернуться на бок, бешеным движением в тот же миг подтянув ноги к животу... Вожатая рванула электрический тормоз, вагон сел носом в землю, после этого мгновенно подпрыгнул... Тут в мозгу Берлиоза кто-то отчаянно крикнул: «Неужели?..»» [5. С. 47]).

Эффект динамичности реалистического плана достигается также за счет того, что события второстепенной важности даются в почасовом и поминутном измерении, поскольку «точный хронометраж» призван подчеркнуть «ритмичность сцены» [6. С. 67]; наиболее ярко этот прием реализуется в посекудной фиксации времени действия в сцене телефонного разговора следователя ГПУ с Семплеяровым, отреагировавшего на звонок тем, что «*правда, не через секунду, но даже не через минуту, а через четверть минуты... уже был у аппарата*» [5. С. 323].

Компактность же московского времени выражается в его предельной насыщенности, когда на сравнительно небольшой временной отрезок приходится несколько событий сразу; наиболее распространенный в романе способ синхронизации действий внутри глав, а также между смежными главами заключается в использовании таких конструкций, как: *в то (же) время... как, в то (же) время... когда, в это (же) время... когда, тем временем... как, в то самое время... как, в тот самый день... когда, в тот час... когда*: «В то время, как случилось несчастье с Никанором Ивановичем... в кабинете финансового директора Варьете Римского находились двое: сам Римский и администратор Варьете Варенуха» [5. С. 101-102] (совмещение действий — арест Босого и разгар рабочего дня в Варьете — в смежных главах 9 и 10). В свою очередь события, разделенные большим текстовым пространством, синхронизируются в тексте, как правило, посредством комплекса лексем, указывающих на приблизительную или точную дату происшествия: «*Причиной приезда Максимилиана Андреевича в Москву была полученная позавчера поздним вечером телеграмма следующего содержания: «Меня только что зарезало трамваем...»*» [5. С. 190] (совмещение действий — смерть Берлиоза и ретроспекция получения телеграммы — в несмежных главах 3 и 18). В реалистическом плане

повествования сочетание компактности экзистенциального времени, предельно насыщенного действием, с антропомерностью и высокой динамичностью, приносящими субъективный компонент в его объективное восприятие, способствует его уплотнению и расширению, в связи чем формируется образ прямо направленного (от причины к следствию), сконцентрированного и стремительно развивающегося времени (в этом случае утверждение Б. Соколова, что «в московском мире... время... размыто и течет сравнительно плавно» [4. С. 24], представляется не совсем точным).

Отличительной же особенностью времени мистического плана повествования является его предельная ориентация на настоящий момент; об этом свидетельствует актуализация нехарактерной для других планов повествования лексемы *теперь*, обозначающей «специализированный временной отрезок, выделенный с целью сопоставления того, что есть, с тем, что было» [7. С. 180] и определяющей «результативное настоящее» [8. С. 90]. *Теперь* совмещает сразу два временных плана — план настоящего и план прошедшего; в связи с этим ее нагнетание на отрезке текста замыкает временной поток в рамках «прошлое — настоящее», формируя тем самым непрерывное следование моментов, каждый из которых одновременно есть как момент прошлого, так и момент настоящего: «*Теперь уже на каждой ступеньке оказались... фрачники, и нагие женщины с ними. <...> Теперь по лестнице снизу вверх поднимался поток. <...> Теперь снизу уже стеною шел народ, как бы штурмуя площадку, на которой стояла Маргарита*» [5. С. 258-260]. Таким образом, происходит формирование образа мистического времени, имеющего нулевую направленность (причина тождественна следствию) и представляющего собой по сути «голое *теперь*», которое «есть чистый нуль содержания...» [9. С. 28]. В эпизодах, связанных с балом у сатаны, сочетание *теперь* со словами и фразеологизмами со значением «тут же, мгновенно, немедленно» создает иллюзию несущегося вскачь времени («*Абадонна оказался перед бароном и на секунду снял свои очки. В тот же момент что-то сверкнуло огнем в руках Азазелло...*» [5. С. 266]), а со значением «цикличности, повторяемости» — эффект нескончаемости действия («*Теперь Маргарита ежесекундно ощущала прикосновение губ к колену, ежесекундно вытягивала вперед руку для поцелуя...*» [5. С. 260]). Время данного повествовательного плана, таким образом, лишено развития и замкнуто в самом себе; это вечно «застывшее теперь», определяющееся как «настоящий момент и непрерывное следование настоящих моментов» [10. С. 331]; кроме того, оно ассиметрично с точки зрения своих физических свойств (*рассвет*, начинающийся «*тут же, непосредственно после полуночной луны*» [5. С. 260]), что приводит к ошибочности номинации временных отрезков вследствие их неадекватного восприятия некоторыми героями произведения: один миг — *три часа*, полночь — *шесть утра* [5. С. 272], начало первого — *вчера, предыдущая ночь* [5. С. 282].

В свою очередь библейский план повествования отличает представление ершалаимского времени как объективной физической категории: наиболее регулярны наименования единиц измерения времени, темпорально локализирующих действие (*утро, час, минута, секунда, полдень, полночь, сумерки, ночь* и т. п.), а также лексические обозначения временного порядка (*потом, затем, тотчас, немедленно*), организующие упорядоченность событий и определяющие их протяженность, например: *Итак, прошло со времени подъема на гору более трех часов ... Когда истек четвертый час казни, мучения Левия достигли наивысшей степени, и он впал в ярость. <...> Поднимавшийся на гору в пятом часу страданий разбойников был командир когорты, прискакавший из Ершалаима в сопровождении ординарца.* [5. С. 180-185]. В связи с этим лексическая темпоральность выстраивает время библейского плана в соответствии с законами земного времяизмерения, одна-

ко оно характеризуется отсутствием резких скачков, присущих московскому, а немногочисленные события, представленные лишь последовательно друг за другом, даются в почасовом измерении: время здесь становится таким же истинным, как и то, о чем здесь повествуется. Специфика темпоральной организации библейского плана также призвана передать аспект вечности, заключающийся в обратной (отрицательной) направленности времени и реализующийся в выстраивании движения от следствия к причине посредством обращенного временного ряда — от *полудня* [5. С. 39] к *десяти часам утра* [5. С. 43].

Таким образом, слияние временных планов в общей темпоральной данности — *полночь с пятницы на субботу* — и сюжетно-композиционная завершенность романа *в полночь с субботы на воскресенье* осуществляется за счет вектора движения (положительного — нулевого — отрицательного) и скорости течения (стремительной — нулевой — неспешной) времени; за «эталон» в «Мастере и Маргарите» принимается размеренный библейский план, относительно которого определяется время двух других: мистическое время его ждет, а реалистическое стремится нагнать. Однако соединение в общей темпоральной данности всех трех планов не смогло бы вполне органично преодолеть дискретность отдельных континуумов и сформировать единое, целостное художественное время романа. Наиболее очевидным способом преодоления дискретности стало знаменитое булгаковское «выворачивание» ершалаимского времени в московскую реальность посредством повторения в конце и в начале смежных библейском и московском дискурсах маркированного темпорального показателя: *«Было около десяти часов утра»* ~ *«Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич», — сказал профессор* [5. С. 43], — а также приуроченности действий обоих планов к одним и тем же дням недели (*среде, четвергу*, ретроспективных для ершалаимских глав, и *пятнице*) и происходящих в них параллельных событий к определенному моменту (*полночь: бал в Грибоедове — бал у сатаны — великий праздник Пасхи и т. п.*).

Данная проблема также разрешается и посредством внутренней и внешней циклизации континуумов; в этой связи для романа наиболее значимыми представляются отдельные лексемы классов объективной направленности, выделяемые «с опорой на преимущественно объективные характеристики времени» [8. С. 89] и включающие единицы счета времени, названия конкретных временных отрезков и их частей, обозначения степени соотнесенности, а также их производные: *рассвет, утро, вечер, закат, полночь, ночь; август, май; майский; весна, осень; весенний, осенний; вчера, сегодня, завтра; вчерашний, завтрашний; бывший, будущий* и др. Существенное значение в организации романного континуума играет цикличность композиции всех повествовательных планов и большинства сюжетных линий (уровень персонажа), например: линия мастер — Маргарита выстраивается по «временной круговой», где и начальной, и финализирующей точкой становится конкретный месяц: *май* (встреча мастера и Маргариты: *«На другой день мы сговорились встретиться там же, на Москве-реке, и встретились. Майское солнце светило нам* [5. С. 138].) — *август* (закончен роман о Пилате: *«Он был дописан в августе месяце, был отдан какой-то безвестной машинистке, и та перепечатала его в пяти экземплярах* [5. С. 139].) — *октябрь* (уничтожен роман о Пилате: *«Это было в сумерки, в половине октября. <...> Я вынул из ящика стола тяжелые списки романа и черновые тетради и начал их жечь»* [5. С. 142-143].) — *январь* (мастер оказывается в лечебнице Стравинского: *«...В половине января, в том же самом пальто, но с оборванными пуговицами, я жался от холода в моем дворике* [5. С. 145].) — *май* (воссоединение мастера и Маргариты [5. С. 5]).

Циклический характер развития данной сюжетной линии с точностью до дня особенно подчеркивался М. А. Булгаковым в ранних вариантах романа:

например, в шестой редакции говорилось о том, что до приглашения на бал к Воланду, Маргарита собиралась «*весь... день посвятить воспоминанию*» о мастере, поскольку это был «*день годовщины*» — они «*встретились... как раз в этот день*» [11. С. 568]; впоследствии эта дата была сглажена более нейтральным воспоминанием Маргариты о том, «*как ровно год, день в день и час в час... она сидела рядом с ним*» [5. С. 215] на той же самой скамье под Кремлевской стеной. Лексическая темпоральность также обуславливает «кольцевание» композиции романа посредством присущей каждому отдельному континууму (реалистическому, библейскому или мистическому) собственной темпоральной ориентации, соотносимой с уровнем героя. Так, высокая концентрация слов *вчера, вчерашний, бывший, позавчера*, структур «временной отрезок + тому назад» (*два года тому назад* [5. С. 134]) свидетельствует о перцептуальной обращенности московского времени к фактам минувшего: для одних героев значимо только то, что осталось в прошлом (мастер, Маргарита), у других же, кроме прошлого, нет ничего. (С данным лексическим рядом в романе также связан мотив оборотничества, реализующийся, как правило, посредством прилагательного *бывший* — *бывший* барон Майгель [5. С. 373], *бывший* регент Коровьев [5. С. 46], *бывшие* ювелиршины апартаменты и кровати [5. С. 75, 93]).

В отличие от московского, библейское время ориентировано на план будущего, репрезентуемого лексемами *отныне* и *бессмертие*; мистическое же время сфокусировано исключительно на настоящем моменте, лексически выражаемого словом *теперь*.

Таким образом, в своем сочетании три континуума выстраивают целостное направленное движение от прошлого (реалистический план) через настоящее (мистический план) к будущему (библейский план). Особое сюжетно и композиционно обусловленное значение получают и наименования частей суток, отражающие циклический характер времени и выстраивающие кольцевую композицию каждого повествовательного плана в отдельности и романа в целом. Время действия каждого плана — это цикл, имеющий свою собственную определенную точку отправления и завершения: кольцевой принцип построения композиции реалистического плана и начало действия задается появлением Воланда в Москве на Патриарших прудах «*в час жаркого весеннего заката*» [5. С. 5] и заканчивается его исчезновением с Воробьевых гор «*в субботний вечер на закате*» [5. С. 372]; библейский план строится движением от «*раннего утра четырнадцатого числа весеннего месяца нисана*» [5. С. 19] к «*рассвету пятнадцатого нисана*» [5. С. 321]; мистический же план развивается от праздничной «*ночи полнолуния*» на пятницу [5. С. 268] до прощенной «*ночи на воскресенье*» [5. С. 372]. Такое «кольцевание» действия каждого повествовательного плана определенной частью суточного цикла: московского — *закатом*, библейского — *утром / рассветом*, мистического — *ночью* — и фиксирование их положений на временной оси способствует формированию общего романного континуума — недискретного, эсхатологического, движущегося от обманчивого *заката* (прошлое — земля) через страшную *ночь* (настоящее — ад) к прощеному *утру* (будущее — Божественное Бытие).

Отождествление М. А. Булгаковым исторического прошлого с онтологическим будущим — вечностью — делает библейскую действительность в романе единственно реальной, о чем свидетельствует единственный в тексте факт числовой датировки событий — *14 нисана*; в связи с этим в произведении явлена настоящая трагедия бытия: время непреклонно движется вперед, а человечество «от эпохи к эпохе расширяя горизонт своего сознания... стремится к истине, однако последняя всегда остается в прошлом. Образ бесконечной погони за тем, что осталось позади, — доминанта художественной историософии Булгакова» [12. С. 107].

Дифференцированность лексической темпоральности в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» позволяет не только регулировать движение фабулы, но и реализовать авторский замысел: посредством разности в направленности вектора и скорости движения сформировать образы времени каждого из трех романских миров и соединить их временные координаты в одной темпоральной данности, что способствует сюжетной и композиционной завершенности текста. Кроме того, лексическая темпоральность способствует преодолению дискретности общего художественного времени за счет внешней и внутренней циклизации всех трех континуумов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Керимов Т. Х. Поэтика времени. М., 2005.
2. Чередниченко В. И. Типология временных отношений в лирике: Монография. Тбилиси, 1986.
3. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000.
4. Соколов Б. В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Очерки творческой истории. М., 1991.
5. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Мастер и Маргарита; Письма. М., 1990.
6. Щукина Д. А. Интерпретация художественного текста: Категория времени в романе М. Булгакова «Белая гвардия»: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.
7. Яковлева Е. С. Фрагменты языковой картины мира: Модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.
8. Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень, 2005.
9. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990.
10. Сартр Ж. -П., Камю А. Две грани экзистенциализма. М., 2001.
11. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4: Князь тьмы: Редакции и варианты романа «Мастер и Маргарита». СПб., 2002.
12. Яблоков Е. А. Лицо времени за стеклом вечности: Историософия Михаила Булгакова // Общественные науки и современность. 1992. № 3.

*Евгения Владимировна ЯТАЕВА —
старший преподаватель кафедры
французской филологии*

УДК 378.016:81

ХАРАКТЕРИСТИКА УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ-ЛИНГВИСТА

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье проводится анализ современных исследований в области методики и психологии обучения иностранным языкам с целью обоснования необходимости внедрения учебно-познавательной компетенции в рамках профессионального языкового обучения, а также представлена ее содержательная и компонентная характеристика.

The paper is aimed at basing the necessity of learning competence application in studying languages, as well as at terming its notion. To achieve the purpose, special scrutiny is given to the notion of learning competence, to the totality of its characteristics and components. For theoretical grounding the author employs current methodological and psychological investigations within the scope of higher education.